

Сент-Бёв

Что такое классик?

<...>

Истинный классик, как я предпочел бы определить его на свой лад, – это тот писатель, который обогатил дух человеческий, который и в самом деле внес нечто ценное в его сокровищницу, заставил его шагнуть вперед, открыл какую-нибудь несомненную нравственную истину или вновь завладел какой-нибудь страстью в сердце, казалось бы, все познавшем и изведавшем, тот, кто передал свою мысль, наблюдение или вымысел в форме безразлично какой, но свободной и величественной, изящной и осмысленной, здоровой и прекрасной по сути своей; тот, кто говорил со всеми в своем (313) собственном стиле, оказавшемся вместе с тем и всеобщим, в стиле, новом без неологизмов, новом и античном, в стиле, что легко становится современником всех эпох. Такой классик мог стать на миг революционным, по крайней мере, показаться таковым, но он – не революционер. Прежде всего, он не чинил насилия над окружающими, далее, он отвергал стеснительное для себя лишь ради того, чтобы поскорее восстановить равновесие в угоду порядку и красоте. <...>

«Мольер так велик, – говорил Гете (этот царь критики), – что он поражает нас вновь всякий раз, как мы перечитываем его. Это особенный человек: его пьесы граничат с трагическим, и никто не отваживается даже попытаться подражать им. Его «Скупой», где порок губит всякую сердечность между отцом и сыном, является одним из самых возвышенных произведений и драматичен в наивысшей степени... В драматическом произведении каждый из поступков персонажей должен быть значительным сам по себе и влечь за собой поступок еще большего значения. В этом смысле «Гартюф» – образец. Какая экспозиция уже в первой сцене! Уже с самого начала все исполнено значения и заставляет предчувствовать что-то еще более важное. Экспозиция в одной из пьес Лессинга, которую можно было бы упомянуть здесь, очень хороша, но такая, как в «Гартюфе», бывает на свете только раз. В этом жанре нет ничего более великого... Каждый год я перечитываю одну из Мольеровых пьес так же, как время от времени я рассматриваю какую-нибудь гравюру с картины великих итальянских мастеров». (Эккерман И.П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. – М.; Л.: Academia, 1934. С. 281.)

Я вполне отдаю себе отчет в том, что это мое определение классика несколько выходит за рамки понятия, какое обычно связывают с этим словом. Прежде всего в него вкладывают как неперенные условия точное соблюдение правил, мудрость, умеренность, логичность, (314) объемлющие и подчиняющие себе все прочее.

<...> Сутью этой теории, которая подчиняет разуму воображение и даже чувствительность... является, собственно говоря, латинская теория, и она-то в течение долгого времени была и теорией французской. В ней есть нечто верное, если только словом «разум» не злоупотреблять, а пользоваться им только в подходящих случаях. Но ясно, что им злоупотребляют и если разум может слиться с поэтическим гением и образовать с ним единое целое, скажем, в каком-нибудь нравоучительном послании, то он не смог бы уподобиться тому гению, что создает и изображает столь многообразные и несходные страсти в драме или эпосе. Где вы найдете разум в IV книге «Энеиды» или в исступлении Дидоны? Найдете ли вы его в неистовствах Федры? Как бы то ни было, а дух (315) времени, продиктовавший эту теорию, предписывает причислять к высшему разряду классиков скорее тех писателей, которые умели управлять своим вдохновением, нежели тех, которые ревностно предавались ему, – причисляя сюда, уж конечно, скорее Вергилия, нежели Гомера, – Расина, нежели Корнеля. (316)

<...> Здесь все разворачивается в плавной последовательности, оратор излагает все единым духом, и кажется, будто оратор этот поступал тут подобно Природе, о которой говорит Бюффон, что он работал по некоему вечному плану, не отклоняясь от него никуда – так глубоко постиг он замыслы Провидения и проникся ими.

«Гофолия» и «Рассуждение о всемирной истории» – вот два самых высоких образца, которые строгая теория классицизма может предложить как своим друзьям, так и врагам.

И все-таки, несмотря на то, что в завершенности таких единственных в своем роде произведений есть нечто, восхитительно простое и величественное, нам хотелось бы, в применении к искусству, сделать эту теорию несколько менее строгой и показать, что ее можно толковать шире, не доходя при этом до вольностей (317). <...>

Классик ли, например, Шекспир? Да, таков он теперь для Англии и для всего мира; но во времена Попа он не был классиком. Классиками по преимуществу были тогда лишь Поп и его друзья; в этом качестве они казались утвердившимися и на следующий

день после своей смерти. Сегодня они еще классики и заслуживают быть ими, но классики-то они уже всего лишь второразрядные, и теперь господствует над ними навсегда тот, кто поставил их на свое место и занял на высях нашего кругозора свое (318).

<...> Истинные и величайшие гении торжествуют над теми трудностями, о которые спотыкаются другие. Данте, Шекспир и Мильтон сумели достичь вершины и создать непреходящие творения вопреки всяким помехам, гонениям и житейским бурям. В свое время много спорили насчет высказываний Байрона о Попе и пытались объяснить противоречие, возникшее между взглядами певца Дон-Жуана и Чайлд-Гарольда, восхищавшегося классической школой и заявлявшего, что только она и хороша, и его собственным творчеством, столь решительно с ней несхожим. Гете еще тогда попал не в бровь, а в глаз, заметив, что Байрон, в ком поэзия так и была ключом, боялся Шекспира, который был сильнее его в измышлении персонажей и их поступков <...> (319)

Важным представляется мне сегодня сохранять идею классика и традиционное преклонение перед ним, в то же время расширив это понятие. Нет рецепта, как создавать их. Это утверждение пора, наконец, признать очевидным. Думать, что станешь классиком, подражая определенным качествам чистоты, строгости, безупречности и изящества языка, независимо от своей манеры письма и собственной страстности, значит, думать, что после Расина-отца могут возникнуть Расины-сыновья, – выполнять эту роль – занятие почтенное, но незавидное, а в поэзии худшей и не придумать. Скажу больше: не рекомендуется слишком быстро, одним махом, оказываться в классиках перед современниками; тогда, того и гляди, не останешься классиком для потомков. (320) <...>

Впрочем, дело же не в том, чтобы чем-то жертвовать, что-то обесценить. Храм Вкуса, по-моему, нужно переделать, но, перестраивая, следует попросту расширить его, дабы он стал Пантеоном всех благородных душ, всех тех, кто внес свой значительный и непреходящий вклад в сокровищницу духовных наслаждений и неотъемлемых качеств ума человеческого. Сам я не могу притязать (это слишком очевидно) на то, чтобы стать строителем такого храма или распорядителем кредитов на его постройку, – ограничусь выражением нескольких пожеланий, чтобы хоть что-то добавить в смету. Прежде всего

мне не хотелось бы исключать никого из достойных. Пусть каждый будет на своем месте, начиная от Шекспира, самого независимого из гениальных творцов, который, сам того не ведая, был также и величайшим из классиков, и до самого последнего, малюсенького классика – Андриё. (321) <...>

Но к чему только и толковать, что об авторах да о сочинительстве? В жизни человека может наступить время, когда он вообще перестанет писать. Блажен же, кто читает и перечитывает, кто может в чтении свободно следовать за своею склонностью! В жизни приходит пора, когда всем странствиям конец, когда все изведано и не остается радостей более ярких, чем изучать и углублять то, что знаешь, наслаждаться тем, что чувствуешь, как если бы вновь встречался с любимыми людьми, – вот чистая утеха для сердца и эстетического чувства в зрелые годы. Вот тогда-то слово «классик» и обретает свой подлинный смысл и для всякого человека с чувством изящного неуклонно диктуется выбором, сделанным по предрасположению. К тому времени вкус определится и оформится, а наш здравый смысл, если ему должно явиться, вполне созреет. Нет больше ни времени делать опыты, ни охоты к поискам. Ограничиваешься друзьями, теми, кто испытан долговременным знакомством... Старое вино, старые книги, старые друзья (324). <...>

Вопросы и задания

1. Как характеризует Ш. Сент-Бёв истинного классика?
2. В чем его характеристика решительно не совпадает с существующей в его время теорией?
3. Что означает в рассуждениях Сент-Бёва понятие «второразрядные классики»?
4. Чем отличны от них величайшие гении?
5. Почему, по мнению ученого, опасно оказаться в классиках перед современниками?